

«ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН...»

Дунаевский сел за рояль и сказал:

— Вот, послушайте... Это для Паганеля.

И в рабочей комнате нашей группы на «Мосфильме» впервые прозвучала мелодия веселой песни, которую предстояло запеть в трудную минуту немолдому путешественнику:

«Капитан, капитан, улыбнитесь...

Ведь улыбка это — флаг корабля...».

Впрочем, слов тогда еще не было. Но и мелодия без слов сразу пленила всех, сразу осталась в памяти, и я понял, что мы не ошиблись в выборе композитора для фильма «Дети капитана Гранта».

Это было в 1935 году. И. Дунаевского уже знали как автора хороших песен, но у него еще не было громкой славы, а у некоторых киноработников — твердой уверенности, что он справится с новыми, более сложными творческими задачами.

— Знаете, — говорили они, — в «Веселых ребятах» музыка специфическая, там — джаз, там — Орлова и Утесов, и все писалось для них и утесовского оркестра, а тут — иное дело. Нет, нет!

И верно, едва я сказал Дунаевскому, что в фильме, где будут героические и трагические сцены, где люди пойдут на отважную борьбу с суровым океаном, должна прозвучать симфоническая музыка, он ответил:

— Мне, признаюсь, никогда не приходилось писать ее. Но я попробую...

До сих пор симфонические оркестры страны играют знаменитую увертюру И. О. Дунаевского, написанную им к «Детям капитана Гранта». Ее мятежные, возвышающие душу, зовущие на подвиг звуки все так же свежи и вдохновенны.

Именно такой героико-романтический запев и требовался нашей картине!

И. О. Дунаевский глубоко чувствовал «душу» фильма и, если хотите, сам оказывал на нее сильное влияние. Его музыка многое подсказывала и мне как постановщику, и актерам.

Помнится, Николай Черкасов, исполнявший свою первую крупную роль в кино, прослушав песню, для которой Василий Лебедев-Кумач уже написал слова, сказал:

— Прекрасно! Чудаковатый и нескладный Паганель бодрит себя и других. Он ведь жизнерадостный француз, веселый и добрый человек!

Так песня подсказала артисту черты образа, создавая настроение.

Ну, а сам автор музыки жил настроением героев, как никто. Принося новые ноты, Дунаевский пел. Он пел безголосно, но с азартом. Иногда на ходу разрабатывая мелодию, изображал чуть ли не весь оркестр. Ему хотелось, чтобы песня звучала полнее, искреннее, заражала, увлекала всех.

Так оно и случилось благодаря тому, что песня словно бы рождалась в сердце героя. Трудно сейчас представить себе, чтобы юный Роберт поднялся на мачту шхуны «Дункан» и не запел:

«А ну-на песню нам пропой,
Веселый ветер!...»

Дунаевский любил вместе с нами смотреть материал. Показывались сцены, пейзажи, одним словом, куски...

...На борту плывущей по океану шхуны капитан Мангльс и Мэри объясняются в любви. Артисты играют хорошо, шумит океан... И все-таки какая-то досадная пустота за кадром, не хватает чего-то...

Дунаевский подошел к роялю и начал наигрывать одним пальцем лирический вальс... И все понял — этой музыки не хватало, вот чего! Через три дня он принес готовый вальс на студию.

Во время записи он всегда сам дирижировал оркестром. Каждая запись оканчивалась аплодисментами оркестра своему композитору и дирижеру. Дунаевский любил все, кто с ним работал. Но главное, его любили зрители — за песни, которые уносили с собой из кинозала. Он умел «слышать» то, чего ждал от композитора современник.

Время действия «Детей капитана Гранта» — шестидесятые годы прошлого века. Можно было бы сочинить для Роберта «соленую, морскую» песню на английский манер и что-нибудь «нуражное» для Паганеля, уйти в «ту эпоху», обзавестись в архиву. Дунаевский же обратился к своему современнику, к его настроениям.

Поиск и задор звучат в песне Роберта, а в песне Паганеля — улыбка капитана, который знал, что «только смелым покоряются моря», были близки тем, кто смотрел на экран.

Еще до выхода фильма в свет обе песни запела сначала наша съемочная группа, а затем и вся студия. А через два месяца после выпуска картины я приехал в Ялту на съемки нового фильма и услышал, как издалека доносилось: «А ну-на, песню нам пропой, веселый ветер». По набережной с песней шел артековский пионерский отряд.

Хорошо было постановщику с таким увлекающим, талантливым композитором. Одна беда была: подолгу не сдавал он свою работу, все тянул и тянул. — Вы торопите, — говорил он, — а я думаю...

Песни его так легки и крылаты, что, кажется, рождены они в одну вдохновенную минуту, с той же завидной легкостью. Ничего подобного! Много раздумий и труда скрывалось за каждой нотной строкой.

Неравнодушный, щедрый, он был равноправным создателем фильма. Его музыка никогда не была иллюстрацией к картине. Она органически входила в фильм. В ней всегда были задушевность и обязательная улыбка, и она становилась флагом нашего кино-корабля.

В. ВАЙНШТОК,
кинодраматург и режиссер.